

УДК 159.9.072

<https://doi.org/10.26516/2304-1226.2025.54.22>

Ситуационно-психологические аспекты восприятия и интерпретации художественного текста

В. И. Кабрин, Б. О. Емельяненко*

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Аннотация. Представлены результаты исследования, раскрывающего роль актуальной жизненной ситуации в процессах восприятия и интерпретации рассказа Г. Грина «Невидимые японские джентльмены». Выявлено, что у участников, находящихся в субъективно более благоприятной жизненной ситуации, шире рамка восприятия и более глубокое понимание прочитанного текста. Отмечается, что респонденты с более высоким уровнем негативных переживаний реже соотносят сюжет с личным опытом, более критично воспринимают персонажей и более поверхностно интерпретируют текст. Подчеркивается, что опыт чтения художественной литературы также способствует выявлению заложенных в тексте смыслов. Полученные результаты обсуждаются в рамках теории «расширяй и строй» Б. Фредрикссон и эффекта эмоциональной конгруэнтности. Исследование вносит вклад в развитие эстетической парадигмы, интегрируя ситуационный подход в изучении того, как актуальные переживания обуславливают коммуникацию с искусством.

Ключевые слова: ситуация, жизненная ситуация, эстетическая парадигма, коммуникативная психосемантика, восприятие текста, интерпретация текста.

Для цитирования: Кабрин В. И., Емельяненко Б. О. Ситуационно-психологические аспекты восприятия и интерпретации художественного текста// Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2025. Т. 54. С. 22–39. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2025.54.22>

Original article

Situational-Psychological Aspects of Perception and Interpretation of Literary Texts

V. I. Kabrin, B. O. Emelianenko*

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Abstract. The study presents findings on the role of the current life situation in the processes of perception and interpretation of Graham Greene's short story @The Invisible Japanese Gentlemen@. It was found that participants in a subjectively more favorable life situation demonstrate a broader perceptual framework and a deeper understanding of the text. Respondents with higher levels of negative experiences were less likely to relate the plot to their personal experiences, perceived the characters more critically, and provided a more superficial interpretation of the text. Experience in reading fiction also contributed to a more nuanced identification of the text's implicit meanings. The results are discussed within the framework of Barbara Fredrickson's broaden-and-build theory and the effect of emotional congruence. The study contributes to the development of the aesthetic paradigm by integrating a situational approach to studying how current experiences shape communication with art.

Keywords: situation, life situation, aesthetic paradigm, communicative psychosemantics, text perception, text interpretation.

For citation: Kabrin V.I., Emelianenko B.O. Situational-Psychological Aspects of Perception and Interpretation of Literary Texts. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2025, vol. 54, pp. 22-39. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2025.54.22> (in Russian)

Введение

Современные психологи все чаще обращаются к концепту «ситуация» для объяснения поведения человека и описания жизненного опыта [Гришина, 2022; Прохоров, 2023; Нартова-Бочавер, Ходаковская, Юрчук, 2024], поскольку ситуация представляет собой единицу жизненного мира человека [Солнцева, 2021] и срез жизненного пространства личности [Нартова-Бочавер, Ходаковская, Юрчук, 2024].

Одно из наиболее целостных определений ситуации было предложено Г. Н. Солнцевой, согласно которому ситуация есть «реконструированная в рефлексивном пространстве система отношений оценок актуальных условий и личностных ресурсов, рефлексивная модель отношений оценок актуальных условий и состояния Я, основанная на оценках значимости и придающая целесообразность и смысл действиям» [Солнцева, 2021, с. 529]. Иначе говоря, ситуация рассматривается как рефлексивная модель реальности, интегрирующая актуальные объективные (внешние, средовые) и субъективные (внутренние, психические) характеристики, на основе которой формируются переживания и строится поведение. Таким образом, ситуационный подход направлен на «исследование содержания рефлексивного образа как результата взаимодействия субъекта с условиями среды» [Там же, с. 538, 539].

В то же время у отечественных и зарубежных исследователей отмечается устойчивый рост интереса к интеграции научного и художественного способов познания для описания различных аспектов опыта как отдельного человека, так и социальных групп. Это движение в отечественных работах развивается в рамках эстетической парадигмы [Марцинковская, 2014, 2023; Полева, 2018], а за рубежом оно известно как art-based research [Емельяненко, Браташ, 2024].

Согласно Н. С. Полевой, под эстетической парадигмой следует понимать «систему междисциплинарных теоретических подходов к исследованию проблем психологии, основанных на синтезе искусства и науки» [Полева, 2018]. Преимущество знаний, закрепленных посредством художественных практик, заключается в том, что человеческий опыт не всегда возможно с необходимой точностью напрямую выразить словами [Chilton, Gerber, Scotti, 2015], а различные формы искусства, содержащие образы, метафоры и символы представляют возможность «воплотить или облечь в форму мысли и чувства, которые могут быть подсознательными или неясными для самого человека» [Art-based ..., 2024].

Исследователи отмечают перспективы использования искусства в том числе и для более глубокого понимания функционирования сознания. Отмечается «возможность обогащения научных методов изучения сознания через

познание особенностей художественного постижения мира» [Акопов, 2020, с. 5]. В частности, произведения искусства как вспомогательные средства применимы для «описания принципов организации субъективно переживающего сознательного опыта» [Art ..., 2022], поскольку искусство – «это сфера, позволяющая анализировать взаимосвязь отражения (системы значений, категориальные структуры) и отношения (личностные смыслы) в их единстве» [Петренко, 2014, с. 15].

Психосемантика реализует исследовательскую установку на изучение сознания с помощью эстетического опыта. Так, в рамках экспериментальной психосемантики представлены многочисленные исследования с использованием картин и кинофильмов для построения операциональных моделей сознания, основанных на выделении категориальных структур восприятия и интерпретации [Петренко, 2014]. Однако такой подход не учитывает жизненный контекст человека, хотя, как указывает Н. В. Гришина, «требование учитывать контекст при исследовании психологической феноменологии исходит из признания существенности его влияния на самые разнообразные феномены» [Гришина, 2022, с. 176]. При изучении контекстуальных факторов коммуникации человека с искусством в большинстве случаев учитывается лишь психическое состояние [Киселева, Галяпина, 2021; Hitsuvari, Nomura, 2021], в то время как в целом актуальная жизненная ситуация обделяется вниманием. Это связано с тем, что «фактически психология до сих пор не располагает адекватными исследовательскими методами описания ситуаций» [Гришина, 2022, с. 178], а сами ситуации «являются трудноуловимым объектом изучения» [Там же, с. 181].

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена наличием разрыва между теоретическим обоснованием необходимости учитывать ситуацию как модель, интегрирующую актуальные объективные и субъективные факторы в процессе формирования переживаний, и недостаточной эмпирической реализацией этого подхода, в частности в области коммуникации с искусством. Учет контекстуальных факторов зачастую сводится к фиксации текущего психического состояния, что при недостаточном внимании к более широким параметрам актуального жизненного мира существенно ограничивает понимание того, как контекст определяет работу сознания в ситуации художественной коммуникации.

Цель исследования заключалась в заполнении указанного пробела через изучение того, как в целом актуальная жизненная ситуация и ее отдельные характеристики обусловливают коммуникацию с искусством, проявляющуюся в процессах восприятия и интерпретации художественного текста.

Выбор литературного произведения обусловлен его относительно низкой востребованностью в психологических исследованиях субъективных переживаний и состояний по сравнению с визуальными и аудиовизуальными формами искусства. Во многом это связано с «отсутствием адекватного исследовательского инструментария, который учитывал бы достижения современной психологии и лингвистики» [Аверьянова, Щербакова, 2022, с. 43].

В качестве основной методологии в исследовании была использована коммуникативная психосемантика, «которая, в отличие от субъективной и экспериментальной, ориентирована на восстановление и экспликацию естественного коммуникативного контекста» [Кабрин, 2022, с. 62]. Тем самым коммуникативную психосемантику можно привести под общий знаменатель с ситуационным подходом, поскольку в обоих случаях учитывается объективный и субъективный контекст жизнедеятельности человека.

Согласно выдвигаемой гипотезе, преобладание позитивных переживаний в актуальной жизненной ситуации будет способствовать более широкому восприятию и более глубокой интерпретации художественного текста. В основе данного предположения лежат результаты, полученные на основе изучения роли психических состояний при оценке художественных объектов. Так описана связь позитивных эмоциональных состояний с положительной оценкой визуальных стимулов [Киселева, Галяпина, 2021] и с усилением эстетической привлекательности поэзии [Hitsuwari, Nomura, 2021]. Эти данные указывают на релевантность выдвигаемого предположения.

Таким образом, исследование интегрирует ситуационизм в использование эстетической парадигмы, а кроме этого, расширяет представление о роли контекстуальных факторов в процессе взаимодействия человека с искусством, чем и обусловлена научная новизна.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 34 студента Национального исследовательского Томского государственного университета и Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Основная часть респондентов – это обучающиеся по программам бакалавриата по специальности «Психология». Средний возраст участников составил 20 лет и 6 мес. ($SD = 1$ год и 3 мес.). Исследование проводилось посредством заполнения индивидуальных бумажных анкет в групповой форме.

В качестве художественного текста был выбран рассказ Грэма Грина «Невидимые японские джентльмены». Текст был подвергнут лингвистической экспертизе другими исследователями, в ходе которой была описана структура имплицитных смыслов, заложенных в произведении [Аверьянова, Щербакова, 2022], а также использован на выборке неспециалистов для выявления возможных вариантов интерпретации [Щербакова, Обольская (Аверьянова), 2023]. Описанные темы были использованы в нашем исследовании как категории для анализа интерпретаций респондентов.

Для выявления способов восприятия и интерпретации текста использовались открытые вопросы.

Первый открытый вопрос был задан в контексте методики свободных описаний Д. А. Леонтьева и был направлен на изучение стратегий восприятия произведения. Он был сформулирован следующим образом: «Опишите художественный текст, который вы только что прочитали. Изложите свои мысли в порядке их возникновения, не заботясь об их последовательности, грамматике и логике».

В рамках второго вопроса оценивалось восприятие героев рассказа, и он был представлен в следующем виде: «Опишите тремя характеристиками (существительными или прилагательными) героев рассказа».

Третий и четвертый вопросы были направлены на изучение интерпретации: «Выделите основные проблемы, которые, по вашему мнению, поднимаются в рассказе», «Как вы думаете, какая проблема является основой всего рассказа?»

Также для оценки опыта чтения художественной литературы участников исследования просили написать приблизительное количество и тип прочитанных художественных произведений за последний год.

Для оценки ситуационных психологических характеристик были использованы три методики:

1. Метод моделирования коммуникативных миров (ММКМ) В. И. Кабрина, позволяющий воссоздать основные параметры актуального жизненного мира как коммуникативного пространства.

2. Метод психосемантического графа (МПСГ) В. И. Кабрина (модифицированный вариант), в рамках которого респонденты выделяли 10 основных качеств, присущих им, а далее сравнивали их друг с другом.

3. Методика «Самооценка психоэмоционального состояния» (СУПОС-8) О. Микшека в модификации В. А. Кулганова.

Таким образом, используемый инструментарий соответствует ключевым принципам ситуационного подхода и позволяет уловить как внешние, так и внутренние компоненты жизненной ситуации в их целостности и взаимодействии.

В исследовании использовался качественный конвенциональный и качественный директивный контент-анализ. Количественный анализ проводился в программе JASP 0.18.0.0. с помощью описательных статистик, кластерного анализа, U-критерия Манна – Уитни, таблиц сопряженности, критерия хи-квадрат Пирсона, логистической регрессии.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим результаты восприятия всей группой респондентов художественного текста. В табл. 1 приведена частота использования стратегий свободного описания по методике Д. А. Леонтьева, а также на каждую стратегию приведен пример описаний из анкет респондентов. Отметим, что в одном ответе может содержаться несколько стратегий. Поскольку задача заключалась в идентификации заранее известных стратегий, то использовался качественный директивный контент-анализ.

Прочитанный рассказ вызвал эмоциональный отклик у половины респондентов. При этом большинство участников постарались интерпретировать прочитанную историю, обращаясь к собственному опыту и делая выводы и соображения о поведении героев и идее рассказа. Многие участники сфокусировались на описании личностных характеристик персонажей. В то же время относительно мало респондентов прибегли к пересказу сюжета, что может свидетельствовать о стремлении к осмыслиению прочитанного, а не к его поверхностной ретрансляции.

Таблица 1

Частота использования стратегий свободного описания по методике Д. А. Леонтьева

Стратегия свободного описания	Количество респондентов, которые использовали данную стратегию (%)	Пример использования стратегий в ответах респондентов
Сюжетная	10 (29,4)	<i>В тексте говорилось про японских джентльменов, писательницу, молодого человека, который был с писательницей. Все они сидели в морском ресторане. Писательница говорила с молодым человеком о своих книгах, издателе и гонораре и спрашивала, хочет ли молодой человек жениться на ней. Они также пили белое вино все это время. Их разговор часто менял русло, они говорили то про японцев, то про книги, то про замужество. Молодой человек не хотел, чтобы книги писательницы стали популярными, так как она могла уехать из-за этого...</i>
Эмоциональная	15 (44,1)	<i>Текст было приятно читать, легко. Мне понравились диалоги, они выглядели живыми. А герои также мне симпатизируют, особенно рассказчик. Впечатление о прочитанном спорное...</i>
Персональная	19 (55,9)	<i>...Называя себя наблюдательной, она вовсе не является таковой – не замечает ни японцев, ни переживаний своего партнера (можно назвать ее неэmpатичной). У нее большие амбиции и высокие запросы, она живет в будущем, в которое и хочет вписать своего будущего жениха, явно не готового и не желавшего такого будущего для себя...</i>
Обобщающая	4 (11,8)	<i>Если опираться на название рассказа «Невидимые», то мне показалось, что, возможно, идея заключается в невидимых, незаметных людях, которых никто никогда не замечает, но они видят и оценивают всё...</i>
Резюмирующая	0 (0)	–
Аналитическая	1 (2,9)	<i>Автор обращает внимание на большую сцену, разворачивающуюся в большом, пусть и достаточно прижимистом ресторане. Он использует прием концептуальности, успешно фокусируя внимание то на паре, то на компании японцев</i>
Стилистическая	0 (0)	–
Фрагментарная	1 (2,9)	<i>Человек, сидящий с японцами, не ценил желание девушки быть популярной звездой. Девушка приутишила своего парня при оплате чека, что якобы у него маленькая заработка плата. Японцы всё время кланялись друг другу, уважали мнение коллеги</i>
Интерпретирующая	28 (82,3)	<i>Честно говоря, первая мысль, что пришла мне в голову, была мысль о том, что не стоит заранее утопать в мечтах о будущем, не просчитав все риски. Стоит прислушиваться к другим, даже если вам кажется, что они говорят чепуху...</i>
Авторская	0 (0)	–

Почти полное отсутствие резюмирующей (использование афоризмов, поговорок), аналитической (использование литературоведческих штампов) и стилистической (описание особенностей языка произведения) стратегий может быть объяснено тем, что подавляющее большинство респондентов является студентами-психологами, а использование данных стратегий требует некоторую специальную литературоведческую подготовку.

В целом полученные результаты позволяют заключить, что участники пропустили «Невидимых японских джентльменов» через призму собственного опыта, эмоций и смысловой интерпретации, а не ограничились формальными описаниями.

Рассмотрим результаты, полученные по второму вопросу, касающемуся восприятия героев. Всего в рассказе фигурировали четыре образа: девушка, парень, рассказчик и обобщенный образ японских джентльменов, на каждый из которых требовалось дать по три характеристики. Таким образом, каждый респондент должен был дать 12 ответов, а от всей выборки, состоящей из 34 чел., должно было получиться 408 характеристик. Однако небольшая часть респондентов оставляли пропуски, например давали 10 характеристик вместо 12, или использовали символы, не подлежащие интерпретации (например, «?»). В итоге были получены 383 ответа, которые затем с помощью качественного конвенционального контент-анализа были обобщены в категории. Данные представлены в табл. 2.

Таблица 2
Категории, описывающие героев рассказа, и частота их использования

Девушка	Парень	Рассказчик	Японские джентльмены
Самоуверенная (20,8 %)	Конформный (21,6 %)	Аналитичный (20,2 %)	Вежливые (30,0 %)
Целеустремлённая (18,8 %)	Неуверенный (15,5 %)	Наблюдательный (17,0 %)	Энергичные (15,6 %)
Наивная (13,9 %)	Реалистичный (15,5 %)	Высокомерный (12,8 %)	Тайные (14,4 %)
Мечтательная (11,9 %)	Сдержаный (14,4 %)	Язвительный (9,6 %)	Коммуникабельные (11,1 %)
Эгоцентричная (11,9 %)	Огорченный (7,2 %)	Мудрый (6,4 %)	Спокойные (11,1 %)
Готовая на риск (8,9 %)	Отстраненный (7,2 %)	Завистливый (5,3 %)	Иное (17,8 %)
Иное (13,9 %)	Завистливый (5,2 %)	Иное (28,4 %)	
	Иное (13,4 %)		

Так, например, категорию «целеустремлённая» при восприятии девушки сформировали такие характеристики, данные ей респондентами, как *увлеченная, идейная, предпримчивая, напористая, целеустремленная, стремительная, смелая* и т. д. При описании парня категорию «реалистичный» составили характеристики по типу *практичный, ответственный, рациональный, наблюдательный, реалист, приземленный, внимательный* и т. д. Рассказчика можно назвать «аналитичным», поскольку респонденты называли его следу-

ющим образом: *размышляющий, рассуждающий, рефлексивен, подобен, проницателен, критичный, понимающий, раздумывающий* и т. д. Категорию «энергичные» для японских джентльменов составили такие характеристики, как *полные сил, живые, увлеченные, деловые, шумные, веселые, громкие* и т. д.

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что участники исследования отразили в своих оценках противоречивые характеры героев рассказа: девушка была описана как целеустремлённая, но в то же время мечтательная; парень – конформный и реалистичный; рассказчик – одновременно мудрый и язвительный; японские джентльмены – энергичные, но при этом спокойные. Респонденты продемонстрировали способность многогранно воспринимать литературных персонажей, подмечая психологическую сложность.

Далее обратимся к интерпретации произведения. В работе, где представлен лингвистический анализ текста [Аверьянова, Щербакова, 2022], на концептуальном уровне выделена основная тема (проблема) и две подтемы. Основная тема – это «несоответствие реальности и представлений о ней». Тема 1 – «иллюзии / взгляд в будущее». Тема 2 – «непонимание / проблемы коммуникации». Для анализа представленности выделенных тем в ответах респондентов нами был применен директивный контент-анализ, где в качестве заданной кодовой схемы использовалась данная система тем. Результаты представлены в табл. 3.

Лишь небольшая часть респондентов смогла идентифицировать и сформулировать основную проблему рассказа. Участники в целом не смогли выйти на высокообобщенный уровень интерпретации и описать проблему в абстрактных категориях, хотя она идет путеводной нитью через весь текст. Чуть чаще респонденты выявляли тему, связанную с иллюзиями касательно будущего. Однако наиболее доступной для понимания оказалась тема, связанная с проблемами коммуникации. Вероятно, это связано с тем, что большинство участников исследования студенты-психологи, и профессиональная подготовка делает их чувствительными к проблемам общения между людьми.

Далее рассмотрим, как ситуационно-психологические характеристики обуславливают восприятие и интерпретацию художественного текста. Первым шагом было выделение подгрупп на основе ситуационно-психологических переменных с целью разделить выборочную совокупность на группы с контрастными профилями проживания актуальной жизненной ситуации. Для этого планировалось использовать кластерный анализ, учитывающий значения большого количества шкал и позволяющий статистически обосновать выделение подгрупп. Однако тестирование различных моделей, полученных в рамках иерархической кластеризации, не позволило четко выделить группы на основе совокупности переменных из трех используемых методик; группы выделялись либо на основе двух, либо одной методики. Это не соответствовало цели работы, заключающейся в целостном анализе обусловливания ситуацией коммуникации с искусством.

Таблица 3

Частота представленности тем (проблем) рассказа в ответах респондентов

Тема	Количество выделивших (%)	Пример представленности тем в ответах респондентов
Основная тема: несоответствие реальности и представлений о ней	8 (23,5)	<p>1. ...Девушка – начинающая писательница. Слишком увлечена собой и теми планами, которые она придумала. Она не слушает своего парня и слышать не хочет. Ее можно понять, так как она молодая и голову вскружил успех, предсказанный издателем. Тем не менее это мешает ей объективно оценивать реальность...</p> <p>2. По моему мнению, в рассказе поднимается проблема реалистичности жизни. Девушка живет в своем мире писательства, будто в розовых очках, а парень немного пытается ее разумить...</p> <p>3. В тексте поднимается проблема оторванности от реальности...</p>
Тема 1: иллюзии / взгляд в будущее	10 (29,4)	<p>1. После первой удачи как будто бы надеваются розовые очки. Все будущее и настоящее кажется идеальным. Самооценка, соответственно, растет...</p> <p>2. ...излишняя идеализация еще не наступившего будущего...</p> <p>3. ...проблема несбыточности мечт, потому что всю историю видим глазами рассказчика... Почему-то я уверена, что у рассказчика ничего не вышло в писательстве, и он своим расстроенным взглядом смотрит на нового писателя</p>
Тема 2: непонимание / проблемы коммуникации	23 (67,6)	<p>1. Для меня очевидной проблемой выступает непонимание. Герои разговаривают словно через стену, не слыша и не видя друг друга. Ни один из молодых людей не пытается понять чувства и мысли другого...</p> <p>2. Проблема двух неслышащих друг друга людей, которые двигаются в разных направлениях... будто бы встретились два человека, которые совсем друг другу не подходят. Она его подавляет, для нее важнее её будущее и карьера, а парень будто бы не хочет, чтобы она так высоко устремилась, он хотел бы оставаться на более приземленном уровне, обесценив её тем, что сказал: «Она еще не писательница». Но девушка также постоянно говорит о себе и своих успехах, не интересуясь особо своим молодым человеком...</p> <p>3. Проблемы во взаимодействии партнеров... Несовпадение интересов и взглядов на жизнь с партнерами в общении, окружении</p>

Поэтому было принято решение обратиться к интегральному показателю из методики ММКМ, а именно к шкале «соотношение стресс- и трансценденций», отражающей разность между шкалами «позитивные переживания» и «негативные переживания». Методом перебора было обнаружено, что если разделить всю выборочную совокупность на две подгруппы по показателю 0,4, где +1 означает полное преобладание позитивных переживаний на всей временной перспективе, а -1 – полное преобладание негативных переживаний, то такое разделение имеет эвристическую ценность. В группу 1 (18 чел.) вошли те респонденты, у которых показатель выше 0,4, а в группу 2 (16 чел.) – ниже 0,4. По *U*-критерию Манна – Уитни были получены статистически значимые различия по шкалам всех трех методик. Данные представлены в табл. 4.

Таблица 4

Различия на уровне статистической достоверности и статистической тенденции по шкалам методик между группами респондентов, выделенных на основе показателя из ММКМ «Соотношение стресс- и транстенденций»

Шкала	Группа	Среднее	p-значение
ММКМ			
Соотношение стресс- и транстенденций	1	0,528	< 0,001
	2	0,247	
Позитивные переживания	1	0,599	< 0,001
	2	0,391	
Негативные переживания	1	0,071	< 0,001
	2	0,144	
Вербализация транса в интересах	1	0,731	0,001
	2	0,542	
Вербализация стресса в интересах	1	0,249	0,003
	2	0,434	
Вербализация транса в партнерах	1	0,991	0,098
	2	0,950	
Вербализация стресса в партнерах	1	0,009	0,098
	2	0,050	
МПСГ			
«+» (качества дополняют друг друга)	1	23,556	0,022
	2	17,938	
«-» (качества противоречат друг другу)	1	4,278	0,066
	2	6,750	
СУПОС-8			
Е – чувство силы и энергии (% от общей структуры психического состояния)	1	17,294	0,094
	2	12,477	
А – стремление к акции, действию (% от общей структуры психического состояния)	1	14,234	0,038
	2	10,140	
Д – депрессия и изнурённость (% от общей структуры психического состояния)	1	7,300	0,024
	2	12,470	

У группы 1 преобладают позитивные переживания на протяжении всей временной перспективы (прошлое, настоящее, будущее) и более выражены транс-тенденции. Кроме этого, у них значительно меньше стрессового опыта. Также для этой группы более характерна целостность образа Я и стремление воплотить в жизнь свои инициативы. Группа 2, напротив, отличается повышенной стрессовой нагрузкой на протяжении всего коммуникативного времени и более противоречивым образом Я. К тому же в моменте они более интенсивно испытывают подавленность и усталость.

Основываясь на этих описаниях, группам были даны следующие названия: группа 1 далее будет обозначаться как Группа в более благоприятной жизненной ситуации (или также группа 1), а группа 2 – Группа в менее благоприятной жизненной ситуации (или также группа 2).

Полученные группы далее сравнивались по способам восприятия и интерпретации произведения. В качестве двух бинарных переменных использовались, во-первых, принадлежность респондента одной из двух групп, а, во-

вторых, представленность стратегии восприятия / характеристики героя / проблемы в ответах респондента по типу 1 – да, 0 – нет.

По методике Д. А. Леонтьева были найдены следующие значимые по частоте использования различия стратегий восприятия (табл. 5).

Таблица 5

Выраженные различия между группами по частоте использования стратегий восприятия

Стратегия свободного описания	Группа	<i>p</i> -значения χ^2	Представлена	Не представлена
Интерпретирующая	1	0,002	18	0
	2		9	7
Эмоциональная	1	0,311	11	7
	2		7	9

Было найдено лишь одно статистически значимое различие по частоте использования интерпретирующей стратегии. Все респонденты из Группы в более благоприятной жизненной ситуации использовали эту стратегию в то время как только в чуть больше половине случаев она встретилась у участников из Группы в менее благоприятной жизненной ситуации. Таким образом, респонденты, находящиеся в более свободной жизненной ситуации и субъективно комфортных условиях жизни, продемонстрировали более выраженную тенденцию вдумчиво комментировать текст, связывать изложенные в нем идеи с общей жизненной философией, а значит, и более глубоко отрефлексировали полученный художественный опыт.

Кроме этого, были получены выраженные различия по частоте использования эмоциональной стратегии, но *p*-значение χ^2 превышало уровень статистической значимости ($p = 0,311$). Доля респондентов, использовавших эту стратегию, была выше в группе 1, чем в группе 2, т. е. текст чаще вызывал эмоциональный отклик у участников с преобладанием позитивных переживаний в настоящем. По восьми другим стратегиям свободных описаний распределение между группами частоты использования примерно одинаково.

Перейдем к различиям по частоте использования категорий при восприятии персонажей. Данные представлены в табл. 6.

Из 29 категорий статистически значимые по критерию χ^2 различия были выявлены лишь по двум. Еще по двум категориям наблюдаются выраженные по частоте использования, но не достигшие уровня статистической значимости различия. Представители Группы в менее благоприятной жизненной ситуации совсем не считали японских джентльменов спокойными, но значительно чаще характеризовали рассказчика как *высокомерного*. Наряду с этим девушка чаще представлялась им *эгоцентричной*, и более чем в половине случаев игнорировалась *наблюдательность* рассказчика. Таким образом, в группе 2 наблюдается тенденция к смещению фокуса восприятия в сторону отрицательных качеств персонажей при недостаточном внимании к их положительным чертам.

Таблица 6

Выраженные различия между группами по частоте использования
категорий при восприятии героев

Категория	Группа	<i>p</i> -значения χ^2	Представлена	Не представлена
Девушка				
Эгоцентрическая	1	0,292	5	13
	2		7	8
Парень				
Отсутствуют категории с выраженными различиями	1	–	–	–
	2		–	–
Рассказчик				
Высокомерный	1	0,031	2	16
	2		7	9
Наблюдательный	1	0,082	11	7
	2		5	11
Японские джентльмены				
Спокойные	1	0,002	8	10
	2		0	16

Далее обратимся к тому, насколько успешно респонденты в разных группах выявили основные проблемы рассказа (табл. 7).

Таблица 7

Различия между группами по представленности проблем в ответах

Проблема	Группа	<i>p</i> -значения χ^2	Представлена	Не представлена
Несоответствие реальности и представлений о ней	1	0,153	6	12
	2		2	14
Иллюзии / взгляд в будущее	1	0,595	6	12
	2		4	12
Непонимание / проблемы коммуникации	1	0,038	15	3
	2		8	8

С помощью статистического теста было выявлено одно значимое различие по представленности проблемы, связанной с коммуникацией между людьми. Респонденты в более благоприятной жизненной ситуации почти все отметили эту проблему, в то время как только половина участников, пребывающих в менее благоприятной жизненной ситуации, указали на это. И две другие проблемы в целом чаще идентифицировали представители группы 1. Таким образом, респонденты из группы 1 продемонстрировали большую чувствительность к вопросам межличностного взаимодействия и коммуникации, чаще интерпретировали рассказ на более глубоком уровне.

Также отметим, что опыт чтения художественной литературы значительно способствовал более глубокому уровню понимания сути рассказа (табл. 8). Так, вся группа респондентов в зависимости от количества прочитанных произведений и типов (очерк, рассказ, повесть, роман и т. д.) была классифицирована на три подгруппы: в первую вошли респонденты, имеющие малый опыт чтения; во вторую – умеренный; а третью составили участники, регулярно читающие художественные произведения.

Таблица 8

Сравнение групп, выделенных на основе опыта чтения художественной литературы, по представленности проблем в ответах

Проблема	Группа	<i>p</i> -значения χ^2	Представлена	Не представлена
Несоответствие реальности и представлений о ней	1	0,187	0	8
	2		3	8
	3		5	10
Иллюзии / взгляд в будущее	1	0,900	2	6
	2		3	8
	3		5	10
Непонимание / проблемы коммуникации	1	0,106	4	4
	2		6	5
	3		13	2

Хотя не было обнаружено статистически значимых различий (в силу особенностей работы критерия χ^2), но таблицы сопряженности показывают, что с увеличением опыта чтения литературы респонденты чаще выходили на более глубокий уровень смысловой интерпретации.

Далее было осуществлено исследование ситуационно-психологических аспектов восприятия и интерпретации художественного текста через поиск связей между переменными. Для этого использовалась логистическая регрессия, выполненная пошаговым методом. В качестве независимых переменных были использованы шкалы трех методик, оценивающих актуальную жизненную ситуацию, а зависимыми переменными выступили представленность в ответах стратегии восприятия / характеристики героя / проблемы. Обратимся к результатам по интерпретации текста (табл. 9).

Таблица 9

Статистически значимые ситуационно-психологические предикторы представленности проблем в ответах

Проблема	Ситуационно-психологические предикторы понимания проблемы
Несоответствие реальности и представлений о ней	D – депрессия и изнурённость ($\beta = -0,641$; $p = 0,039$)
Иллюзии / взгляд в будущее	Нет статистически значимых предикторов
Непонимание / проблемы коммуникации	Позитивные переживания в интересах в настоящем ($\beta = 4,573$; $p = 0,041$)

Шкала «депрессия и изнурённость» из методики СУПОС-8 оказалась отрицательным предиктором выявления основной проблемы, тогда как высокие показатели по шкале «позитивные переживания в интересах в настоящем» из методики ММКМ, наоборот, положительно предсказывали понимание проблемы, связанной с коммуникацией. Таким образом, если в актуальной жизненной ситуации преобладают позитивные переживания, то больше вероятность глубже понять текст, а если доминируют утомление и истощение, то это, наоборот, отдаляет от понимания смыслового каркаса произведения. Эти результаты соотносятся с теми, которые были получены через поиск различий между группами.

При построении логистических регрессионных моделей для оценки связей между ситуационными психологическими переменными и характеристиками восприятия не были получены интерпретируемые в рамках причинно-следственных отношений результаты. Обнаруженные влияния оказались хаотичным: в некоторых случаях положительными (или отрицательными) предикторами выступали одновременно характеристики с разной психологической тенденцией (позитивные и негативные переживания; стенические и астенические состояния), а часто и вовсе связи найдены не были.

Обобщение всех полученных результатов позволяет сделать следующее заключение: респонденты, находящиеся в благоприятной, субъективно положительной жизненной ситуации, связанной со стеническими эмоциями бодрости, радости, уверенности, а также имеющие целостный, конгруэнтный образ Я на более глубоком уровне проинтерпретировали художественный текст. В то же время участники, которые находятся в более стрессовой жизненной ситуации, сопровождающейся подавленностью, грустью, тревожностью и другими астеническими эмоциями, а также имеющие более противоречивое самовосприятие реже идентифицировали заложенные смыслы произведения.

При этом нахождение в субъективно комфортной жизненной ситуации способствовало более широкой рамке восприятия, а пребывание в ситуациях, связанных с негативными переживаниями, сопровождалось небольшим критичным восприятием персонажей.

И хотя результаты, касающиеся восприятия героев, были получены слабовыраженные, но они согласуются с эффектом эмоциональной конгруэнтности, согласно которому «легче перерабатываются стимулы, эмоциональная окраска которых соответствует эмоциональному состоянию человека» [Люсин, Кожухова, Сучкова, 2019, с. 28]. Находясь в плохом настроении, респонденты из группы 2 заострили внимание на отрицательных качествах героев и проигнорировали положительные.

Другие результаты, касающиеся того, что присутствие в ситуации, связанной с положительными переживаниями, чувством силы и гармонии с самим собой, по сравнению с ситуацией, связанной с негативными переживаниями, усталостью, апатией и внутренним противоречием, способствует более широкому восприятию произведения и более глубокому пониманию, объясняются теорией «расширять и строить» (broaden-and-build theory) Б. Фредриксон [Fredrickson, 2001], согласно которой позитивные и негативные эмоции оказывают различное влияние на познавательную сферу человека. «В то время как негативные эмоции связаны с сужением репертуара мыслей и действий и склонностью к определённым поведенческим реакциям, позитивные эмоции расширяют репертуар мыслей и поведенческих возможностей» [Grol, Raedt, 2014].

В проведенном нами исследовании нахождение в более благоприятной психологической ситуации содействовало более комплексной обработке воспринимаемого материала с обращением к собственному опыту, а общий негативный эмоциональный фон, в свою очередь, препятствовал этому, что и обусловило более поверхностную интерпретацию.

Выводы

Согласно полученным результатам, пребывание в субъективно благоприятной жизненной ситуации способствует более глубокой коммуникации с художественным текстом. Она осуществляется более рефлексивно, целостно и в большей степени обогащена смыслом. В таких условиях читатель активно соотносит сюжет и персонажей с личным опытом, что содействует более насыщенной смысловой интерпретации. И, напротив, в ситуации, сопровождающейся стрессом, внутренним напряжением и утомленностью, коммуникация с произведением искусства протекает более упрощенно и поверхностно.

Можно заключить, что актуальная жизненная ситуация оказала существенное влияние на процессы восприятия и интерпретации художественного текста, и преобладание позитивных переживаний способствовало полноценной коммуникации, что подтверждает выдвинутую гипотезу.

Полученные данные могут быть осмыслены в русле более общих психологических концепций, объясняющих влияние эмоционального состояния на познавательную сферу человека. В частности, выявленная тенденция к более глубокому и целостному восприятию текста в условиях благоприятной жизненной ситуации находит объяснение в теории «расширяй и строй» Б. Фредрикссон, согласно которой позитивные эмоциональные состояния способствуют комплексной обработке получаемой информации. Поэтому читатели в ресурсных состояниях активнее соотносят текст с личным опытом и находят заложенные смыслы. А эффектом эмоциональной конгруэнтности, согласно которому люди, испытывающие негативные переживания, имеют более выраженную тенденцию фокусироваться на негативных характеристиках воспринимаемых стимулов, объясняется то, почему респонденты, более выражено испытывающие стресс, чуть чаще заостряли внимание на негативных чертах персонажей и игнорировали положительные.

Таким образом, исследование расширяет представление о контекстуальных факторах коммуникации с искусством, раскрывая, как различные ситуационные характеристики формируют эстетический опыт.

Список литературы

Аверьянова В. А., Щербакова О. В. Между текстом и читателем: инструментарий для изучения понимания имплицитных смыслов вербальных текстов. Часть 1 // Вопросы психолингвистики. 2022. № 3 (53). С. 42–61. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-53-3-42-61>

Акопов Г. В. Искусство в категориях сознания: хронотопы, образы, дискурсы. М. : Согласие, 2020. 226 с.

Гришина Н. В. Самоизменения: ситуационные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12, № 2. С. 172–185. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.206>

Емельяненко Б. О., Браташ Р. И. Эстетическая парадигма в психологии: опыт зарубежных исследователей // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2024. № 12. С. 50–54.

Кабрин В. И. Коммуникативная психосемантика когнитивно-ноэтического развития личности // Сибирский психологический журнал. 2022. № 85. С. 51–71. <https://doi.org/10.17223/17267080/85/3>

Киселева Н. А., Галянина В. Н. Роль психических состояний в психосемантической оценке визуальных стимулов // Russian Journal of Education and Psychology. 2021. Т. 12, № 6. С. 201–219. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2021-12-6-201-219>

Люсин Д. В., Кожухова Ю. А., Сучкова Е. А. Эмоциональная контруэнтность при восприятии неоднозначных выражений лица // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12, № 1. С. 27–39. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120103>

Марцинковская Т. Д. Социальная и эстетическая парадигмы в методологии современной психологии // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 37. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/595> (дата обращения: 10.08.2025).

Марцинковская Т. Д. Психология искусства в транзитивном мире: эстетика перемен // Национальный психологический журнал. 2023. Т. 18, № 3. С. 16–24. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0303>

Нартова-Бочавер С. К., Ходаковская Э. Н., Юрчук В. Ю. Ситуационно-событийный подход к пониманию психологического благополучия/неблагополучия студенческой молодежи // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13. № 4. С. 41–50. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130404>

Петренко В. Ф. Психосемантика искусства. М. : МГУ, 2014. 320 с.

Полева Н. С. Эстетическая парадигма как оптика исследований современной психологии // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 60. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/274> (дата обращения: 10.08.2025).

Прохоров А. О. Ситуационные аспекты ментальной регуляции психических состояний // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. № 4 (16). С. 13–28.

Солнцева Г. Н. Ситуационный подход: типы ситуаций и психологические особенности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 3. С. 525–543. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-525-543>

Щербакова О. В., Обольская (Аверьянова) В. А. Между читателем и текстом: инструментарий для изучения понимания имплицитных смыслов вербальных текстов. Ч. 2 // Вопросы психолингвистики. 2023. № 1 (55). С. 112–127. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2023-55-1-112-127>

Art and perception: using empirical aesthetics in research on consciousness / Ansorge U. [et. al.] // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.895985>

Art-based research to explore children's lived experiences of dysgraphia / Kalenjuk E. [et. al.] // Children & Society. 2024. Vol. 38, N 2. P. 381–403. <https://doi.org/10.1111/chso.12709>

Chilton G., Gerber N., Scotti V. Towards an aesthetic intersubjective paradigm for arts-based research: an art therapy perspective [electronic resource] // UNESCO Observatory Multi-Disciplinary Journal in the Arts. 2015. Vol. 5. N 1. URL: https://www.researchgate.net/publication/308971008_Towards_an_aesthetic_intersubjective_paradigm_for_arts_based_research_An_art_therapy_perspective (date of access: 14.08.2025).

Fredrickson B. L. The role of positive emotions in positive psychology – the broaden-and-build theory of positive emotions // American Psychologist. 2001. Vol. 56, N 3. P. 218–226.

Grol M., Raedt R. D. Effects of positive mood on attentional breadth for emotional stimuli // Frontiers in Psychology. 2014. Vol. 5. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01277>

Hitsuwari J., Nomura M. How individual states and traits predict aesthetic appreciation of haiku poetry // Empirical Studies of the Arts. 2021. Vol. 40, Iss. 1. P. 81–99. <https://doi.org/10.1177/0276237420986420>

References

Aver'yanova V.A., Shcherbakova O.V. Mezhdu tekstom i chitatelem: instrumentarii dlya izucheniya ponimaniya implitsitnykh smyslov verbalnykh tekstov. Chast' 1 [Between text and reader: Research framework for studying the comprehension of implicit meanings in verbal texts. Part I]. *Voprosy psicholinguistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2022, no. 3 (53), pp. 42-61. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-53-3-42-61> (in Russian)

Akopov G.V. *Iskusstvo v kategoriyakh soznaniya: khronotopy, obrazy, diskursy* [Art in the categories of consciousness: chronotopes, images, discourses]. Moscow, Soglasie Publ., 2020, 226 p. (in Russian)

Grishina N.V. Samoizmeneniya: situatsionnye determinanty [Self-changes: Situational determinants]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psichologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology], 2022, vol. 12, no. 2, pp. 172-185. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.206> (in Russian)

Emelianenko B.O., Bratash R.I. Esteticheskaya paradigma v psikhologii: opty zarubezhnykh issledovatelei [The aesthetic paradigm in psychology: the experience of foreign researchers]. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie* [Modern Science: actual problems of theory and practice, a Series of "Cognition"], 2024, no. 12, pp. 50-54. (in Russian)

Kabrin V.I. Kommunikativnaya psikhosemantika kognitivno-noeticheskogo razvitiya lichnosti [Communicative Psychosemantics of Cognitive-Noetic Development of the Personality]. *Sibirskii psichologicheskii zhurnal* [Siberian journal of psychology], 2022, no. 85, pp. 51-71. <https://doi.org/10.17223/17267080/85/3> (in Russian)

Kiseleva N.A., Galyapina V.N. Rol psikhicheskikh sostoyanii v psikhosemanticheskoi otsenke vizual'nykh stimulov [The role of mental states in the psychosemantic evaluation of visual stimuli]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2021, vol. 12, no. 6, pp. 201-219. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2021-12-6-201-219> (in Russian)

Lyusin D.V., Kozhukhova Yu.A., Suchkova E.A. Emotsionalnaya kongruentnost' pri vospriyatiu neodnoznachnykh vyrazhenii litsa [Emotion congruence in the perception of ambiguous facial expressions]. *Ekspерimentalnaya psikhologiya* [Experimental Psychology], 2019, vol. 12, no. 1, pp. 27-39. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120103> (in Russian)

Martsinkovskaya T.D. Sotsialnaya i esteticheskaya paradigm v metodologii sovremennoi psikhologii [Social and aesthetic paradigms in methodology of modern psychology]. *Psichologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/595> (date of access: 10.08.2025). (in Russian)

Martsinkovskaya T.D. Psikhologiya iskusstva v tranzitivnom mire: estetika peremen [Psychology of art in a transitive world: the aesthetics of change]. *Natsionalnyi psikhologicheskii zhurnal* [National psychological journal], 2023, vol. 18, no. 3, pp. 16-24. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0303> (in Russian)

Nartova-Bochaver S.K., Khodakovskaya E.N., Yurchuk V.Yu. Situatsionno-sobytinyi podkhod k ponimaniyu psikhologicheskogo blagopoluchiya/neblagopoluchiya studencheskoi molodezhi [A Situational-Event Approach to Understanding the Psychological Well/Ill-Being of University Students]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology], 2024, vol. 13, no 4, pp. 41-50. <https://doi.org/10.17759/jmp.2024130404> (in Russian)

Petrenko V. F. Psikhosemantika iskusstva [Psychosemantics of art]. Moscow, MSU Publ., 2014, 320 p. (in Russian)

Poleva N.S. Esteticheskaya paradigma kak optika issledovanii sovremennoi psikhologii [Aesthetic paradigm as optics of modern psychology research]. *Psichologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/274> (date of access: 10.08.2025). (in Russian)

Prokhorov A.O. Situatsionnye aspekty mentalnoi regulyatsii psikhicheskikh sostoyanii [Situational aspects of mental regulation of psychic states]. *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya* [Theoretical and experimental psychology], 2023, no. 4 (16), pp. 13-28. (in Russian)

Solntseva G.N. Situatsionnyi podkhod: tipy situatsii i psikhologicheskie osobennosti [Situational Approach: Types of Situations and Psychological Characteristics]. *Psichologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2021, vol. 18, no 3, pp. 525-543. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-525-543> (in Russian)

Shcherbakova O.V., Obol'skaya (Aver'yanova) V.A. Mezhdu chitatel'm i tekstom: instrumentarii dlya izucheniya ponimaniya implitsitnykh smyslov verbal'nykh tekstov. Chast' 2 [Between reader and text and reader: Research framework for studying the comprehension of implicit meanings in verbal texts. Part II]. *Voprosy psicholinguistikii* [Journal of Psycholinguistics], 2023, no. 1 (55), pp. 112-127. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2023-55-1-112-127> (in Russian)

Ansorge U. [et. al.]. Art and perception: using empirical aesthetics in research on consciousness. *Frontiers in Psychology*, 2022, vol. 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.895985>

Kalenjuk E. et al. Art-based research to explore children's lived experiences of dysgraphia. *Children & Society*, 2024, vol. 38, no. 2, pp. 381-403. <https://doi.org/10.1111/chso.12709>

Chilton G., Gerber N., Scotti V. Towards an aesthetic intersubjective paradigm for arts-based research: an art therapy perspective. *UNESCO Observatory Multi-Disciplinary Journal in the Arts*, 2015, vol. 5, no. 1. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/>

308971008_Towards_an_aesthetic_intersubjective_paradigm_for_arts_based_research_An_art_therapy_perspective (date of access: 14.08.2025).

Fredrickson B. L. The role of positive emotions in positive psychology – the broaden-and-build theory of positive emotions. *American Psychologist*, 2001. vol. 56, no. 3, pp. 218-226.

Grol M., Raedt R.D. Effects of positive mood on attentional breadth for emotional stimuli. *Frontiers in Psychology*, 2014, vol. 5. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01277>

Hitsuwari J., Nomura M. How individual states and traits predict aesthetic appreciation of haiku poetry. *Empirical Studies of the Arts*, 2021, vol. 40, no. 1, pp. 81-99. <https://doi.org/10.1177/0276237420986420>

Сведения об авторах

Кабрин Валерий Иванович

доктор психологических наук, профессор,
кафедра психологии личности
Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, Московский тракт, 8
e-mail: kabrin@list.ru

Information about the authors

Kabrin Valery Ivanovich

Doctor of Sciences (Psychology), Professor,
Department of Personality Psychology
Tomsk State University
8, Moskovsky Trakt, Tomsk, 634050,
Russian Federation
e-mail: kabrin@list.ru

Емельяненко Богдан Олегович

аспирант, кафедра психологии личности
Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, Московский тракт, 8
e-mail: bogdan_eme@mail.ru

Emelianenko Bogdan Olegovich

Postgraduate, Department of Personality
Tomsk State University
8, Moskovsky Trakt, Tomsk, 634050,
Russian Federation
e-mail: bogdan_eme@mail.ru